Атакулова М.А.

О ПРОБЕЛАХ И ПРОБЛЕМАХ В ПРИМЕНЕНИИ ПРИНЦИПА ИНВАРИАНТНОСТИ

M.A. Atakulova

ABOUT DEFICIENCY AND PROBLEMS IN USING OF PRINCIPLES UNVARIANTIES

Статья посвящена выявлению проблем в теории инвариантности и их решению на материале языков различного строя.

The article is given the appearance problem in the theory varianties and their resolving in materials of language in variant system.

Принцип инвариантности не является общепризнанным. Есть языковеды, которые не признают его и не используют идею инвариантности в своих исследованиях. Этот принцип не находит своего применения почти во всех современных учебниках по теории языка для вузов. Это, конечно, не говорит о том, что языковеды практической ориентации пренебрегают понятием инвариантности, а скорее свидетельствует **о его недостаточной известности и распространенности.**

Мы не находим единодушия и в понимании и интерпретации принципа инвариантности применительно к задачам описания конкретного языка.

В лингвистике оценка соотношения фонемы и звука как инварианта и варианта до сих пор полностью не утвердилась. Это связано с тем, что понятия инварианта и варианта нередко определяются как однородные сущности. В этом случае **один из членов множества единиц необходимо признается в качестве инварианта (или эталона) по отношению к другим членам множества.** Соответственно типичный звук такого множества (это обычно звук в сильной позиции) рассматривается как инвариант по отношению к другим звукам, входящим в данное множество. В результате инвариантом считается один из реальных звуков данного множества, выступающий по ряду причин как эталон. Понятно, что такой подход к проблеме инвариантности/вариантности препятствует пониманию фонемы как инварианта по отношению к звуку, поскольку **в качестве инварианта признается один из его вариантов.**

В качестве примера сошлемся на признак множественного числа в кыргызском языке. Есть все основания считать, что соответствующая аффиксальная морфема как абстрактная единица обобщает употребления следующего множества алломорфов: *-дар, -дер, - дор, -дөр; - тар, -тер, -тор, -төр; -лар, -лер, -лор, -лөр.* Ни один их этих вариантов морфемы не является продуктивным, распространенным и поэтому доминирующим. Все они равноправны и равнозначны. Выбор того или иного варианта в каждом конкретном случае прямо зависит от качества конечного звука основы и от качества гласного конечного слога основы. Если конечный слог основы имеет гласные *е* и *и*, то морфема реализуется в вариантах *–дер, -тер, -лер*, если конечный слог имеет гласные *а* и *ы*, то морфема множественного числа необходимо приобретает разновидности *–дар, -тар, -лар*. Соответственно гласные *о* и *ө* в конечном слоге предполагают выбор алломорфов 1) *–дор, -тор, -лор* и 2) *–дөр, -төр, лөр*.

Основы с конечными глухими согласными требуют выбора алломорфов *–тар, -тер, -тор, төр,* с конечными звонкими - алломорфов *–дар, -дер, -дор, -дөр,* с конечными гласными и *й* – алломорфов *–лар, -лер, -лор, -лөр*. Таким образом, двенадцать разновидностей аффиксальной морфемы множественного числа выступают как ее видоизмененные, взаимнодополняющие и невзаимозаменимые варианты. Каждый из этих вариантов выбирается и употребляется в определенных условиях. Эти условия заключены в конечной части основы. Именно качество конечного звука (согласный или гласный, звонкий или глухой, лабиализованный или нелабиализованный и т.д.) диктует выбор варианта морфемы.

Во всех учебных и научных грамматиках кыргызского языка в качестве эталона (инварианта) рассматривается алломорф *–лар*. До сих пор не обосновано, почему этот алломорф наделен таким статусом. Вероятно, в данном случае определенную роль сыграл прототипический характер этого алломорфа. Ведь в узбекском литературном языке, например, мы встречаем аффиксальную морфему множественности *–лар,* представленную в единственном варианте. В этом языке инвариант и вариант выступают как фонетические тождественные единицы, в отличие от киргизского языка, где абстрактная аффиксальная морфема множественного числа видоизменяется и представлена в двенадцати своих разновидностях с общей семантикой. Ср., например:

1) *адам-дар* «люди», *кыз-дар* «девушки, девочки»;
2) *эл-дер* «народы», *из-дер* «следы»;
3) *короз-дор* «петухи», *кол-дор* «руки»;
4) *көз-дөр* «глаза», *көл-дөр* «озера»;
5) *ат-тар* «лошади», *ак-тар* «белые»;
6) *ит-тер* «собаки», *мектеп-тер* «школы»;
7) *от-тор* «огни», *ок-тор* «пули»;
8) *сөөк-төр* «кости», *өрдөк-төр* «утки»;
9) *ата-лар* «отцы», *жарды-лар* «бедняки»;
10) *эне-лер* «матери», *ийне-лер* «иголки»;
11) *ой-лор* «мысли», долины», *ороо-лор* «ямы»;
12) *көйгөй-лөр* «проблемы», *бирөө-лөр* «какие-то люди» и т.д.

Чтобы быть отнесенными к одной морфеме, члены данного множества аффиксов должны обладать функциональной общностью. Такой общностью выступает значение не единственности, т.е. множественности. Все узбекские эквиваленты приведенных кыргызских примеров имеют морфему *-лар,* реализуемую в одном варианте и тождественную самой себе: *адам-лар, киз-лар, из-лар, от-лар* и т.д. В кыргызском языке алломорф *-лар* выступает как эталон, как инвариант по отношению к другим вариантам. Повторяем: все варианты одной морфемы равнозначны. Ни один из них не обладает свойством доминировать над другими. **Только алломорф *-лар* принят в качестве эталона, выполняя функцию инварианта**.

Есть и другая проблема в соотношении варианта и инварианта. Это не полная дихотомия. **Понятие варианта чаще используется отдельно – независимо от инварианта и вне связи с ним.** В лингвистической литературе продуктивно встречается термин вариант. Он широко применяется и в фонетике, и в морфемике и морфологии, в словообразовании и лексике, в теории синтаксиса. В данном случае мы можем говорить о распространенности, самостоятельной употребительности и функциональной значимости понятия варианта. А термин инвариант не употребляется вне связи с понятием варианта, необходимо предполагает его, так как **инвариант существует, формируется и реализуется в своих вариантах.** На этом основании можно считать, что понятия варианта и инварианта не являются однопорядковыми и однородными. А все варианты и разновидности одного инварианта могут быть однородными и взаимодополнительными.

В языкознании и науковедении по-разному представляется **объем понятия инвариантности**. Есть основание различать широкое и узкое понимание термина «инвариантность». Этот вопрос был предметом изучения А.В.Бондарко. При **широком понимании** в понятие инвариантной величины вкладывается смысл «величина, остающаяся неизменной при определенных преобразованиях переменных, входящих вместе с инвариантной величиной в одну систему. Если перенести эту мысль на морфемику, в частности на соотношение суффиксальной морфемы множественности киргизского языка и ее конкретных реализаций, то мы должны были признать, что любая разновидность признака множественности является вариантом как по отношению к инварианту, так и по отношению друг к другу. Например, с данной точки зрения алломорф *-тер* выступает как вариант по отношению к абстрактной единице-признаку множественности, так и по отношению к реальным морфам *-тар, -тор -төр, -лар, -лер* и т.д. **,** вместе с которыми он образует множество однородных единиц языка.

В лингвистике принято и более **узкое понимание** соотношения понятий варианта и инварианта. О.С.Ахманова, например, различает две группы терминов с суффиксом *-эма* и с префиксом *алло-*, находящихся между собой в отношениях инвариантности/вариантности. Она в «Лингвистическом словаре» пишет: «Инвариант… *эма*, как элемент абстрактной системы языка в отвлечении от ее конкретных реализаций **(алло-).** В этом труде *-эма* определяется как «суффикс», выделяющийся из состава таких терминов, как фонема, морфема, семема, семантема и т.п. со значением «структурный элемент, тип, структурная единица языка»; противопоставляется *алло-* как данной реализации соответствующих единиц в речи». В данном случае мы можем говорить об одной разновидности корреляции понятий вариант и инвариант, в которой **инвариантный признак признается языковым, а вариантный – речевым**. Языковые единицы отвлеченны и обладают обобщающей семантикой, а речевые конкретны и реализуются в процессе общения.

Такое понимание корреляции вариантности/инвариантности поддерживается не всеми языковедами. Иначе представляют ее Ю.С.Маслов, А.В.Бондарко, В.М.Солнцев и другие лингвисты, которые считают, что отношение инвариантности/вариантности не может быть полностью сведено к отношению языка/речи, и что **некоторые типовые варианты примыкают к системе языка и даже включаются в нее**. Говоря о том, что по отношению ко всем своим вариантам языковая единица выступает как «общее», как их абстрактный инвариант, Ю.С.Маслов подчеркивает, что **языку принадлежит не только этот инвариант единицы, но и все ее типовые разновидности.** Как видим, этот ученый конкретные варианты единицы относит к речи, а их типовые разновидности – к системе языка. Такое понимание отношения инварианта/

варианта поддерживается и другими учеными. Например, А.В.Бондарко полагает, что такой подход к вариантам в их отношении к языку и речи соответствует тому истолкованию понятия «язык», согласно которому к языку относится не только система единиц, классов и категорий, но и система закономерностей их функционирования. Эти закономерности находят отражение и в типовых языковых вариантах, реализуемых в тех или иных конкретных формах. В.М.Солнцев определяет инварианты и варианты как языковые единицы.

Таким образом, более широкое представление отношения инварианта/варианта предполагает описать его как многоуровневую иерархическую систему, охватывающую язык и речь, языковые единицы и их типовые разновидности, единицы с *-эма* и *алло-,* общие и частные, отвлеченные и конкретные признаки единиц, реализуемых самостоятельно и в контексте. Поэтому такое понимание инварианта/варианта признается более гибким и отражающим все аспекты реализации языковых и речевых единиц.

Отношение инварианта/варианта коррелирует и с отношением рода/вида, поскольку между дихотомией «инвариант-вариант» и дихотомией «родовое понятие – видовое понятие» существует тесная связь. На этом основании мы можем говорить о сходствах и различиях, которые отождествляют их, с одной стороны, и, с другой, дифференцируют, представляя их как разнопорядковые явления. Иногда не без основания исследователи семантики отмечают параллели, существующие между инвариантными и родовыми значениями, с одной стороны, и, с другой, между вариантными и видовыми значениями. Часто общие значения выступают как родовые по отношению к частным значениям, являющимся видовыми. Ср., например, общее понятийное содержание слова *рыба* по отношению к содержанию слов *сазан, карп, сом* и т.д., где налицо отношение родового понятия к видовым, общего – к частным. Однако соотношение вариантов и инвариантов не всегда может соответствовать соотношению родового и видовых понятий. Корреляция родового и видовых значений касается связи общего и отдельного (единичного), целого и его частей, системы и ее элементов. **Говоря о соотношении инварианта и его вариантов, мы имеем в виду не только дихотомии «целое - часть», «общее - единичное», «система - элемент», но и связи в аспекте отношений «устойчивое – неустойчивое», «постоянное – изменчивое», «регулярное – нерегулярное», «стабильное – нестабильное», отражающих наиболее существенные, общие и необходимые связи единиц и категорий при всех их преобразованиях в различных ситуациях и условиях речевого общения.**

Связь между понятиями инварианта/варианта, с одной стороны, и, с другой, рода/вида, целого/части, системы/элемента, безусловно, существует.

Однако отождествлять их совершенно нельзя. Между ними есть отдельные общие черты, аналогичные свойства. Но нет отношения изоморфизма. Мы не можем делить аффикс множественности на алломорфы *-лар, -лер* и т.д., нелогично утверждать, что последние являются видовыми по отношению к аффиксальной морфеме-признаку множественности. Алломорфы не могут быть частями морфемы, аллофоны не входят в фонему в качестве ее частей.

С данной точки зрения весьма интересны рассуждения В.М.Солнцева. Он пишет: «Инварианты и варианты не варьируют между собой. Их соединяют отношения степени абстракции. Варьируют между собой конкретные варианты. Инварианты существуют в своих вариантах как общее в отдельном. Инварианты не составляют самостоятельного мира абстрактных сущностей. Они характеризуют общие свойства реальных объектов. Инварианты и варианты – разные характеристики одних и тех же объектов: со стороны их общих свойств и со стороны их индивидуальных свойств. Выведение инвариантных единиц есть выявление реальной общности и объективной упорядоченности объектов. Введение инвариантов в лингвистический анализ есть средство более глубокого познания как системы языка, так и его структуры». Из приведенных соображений ученого можно сделать вывод о значительной гносеологической ценности применения понятий инвариантов и вариантов в лингвистическом исследовании и о том, что соотношение инварианта и варианта ближе всего стоит к соотношению общего и отдельного (индивидуального).

Исследования, посвященные теории инвариантности/вариантности, выполняются исключючительно **в аспекте синхронии.** Соответственно корреляция между понятиями варианта и инварианта определяется и рассматривается в определенном отрезке существования конкретного языка. Однако есть основания считать, что **принцип инвариантности можно успешно использовать в компаративистике и этимологии.**

Прототип морфемы (корня или аффикса) реконструируется на основе общности звукового облика и семантического сходства множества языковых единиц, встречающихся в исторических памятниках и современных родственных языках. **Прототип обладает свойством инвариантности и представлен в виде конкретных**

единиц, подвергавшихся различным видоизменениям - звуковым, смысловым, конструктивным и т.д. **Все видоизменения данного прототипа выступают в качестве вариантов.** Иначе говоря, **все разновидности прототипа, возникшие под влиянием различных лингвистических и экстралингвистических факторов, суть его варианты и образуют множество единиц, возводимых к той или иной праформе.** В историческом развитии языка и в процессе его расщепления на говоры, диалекты и отдельные языки прототип некоторой морфемы подвергается изменениям и часто становится источником образования множества дериватов, но сохраняя свои прототипические черты.

В мире нет развитых языков, которые бы не контактировались с другими языками. В век глобализации информации мы сталкиваемся со множеством вариантов, вариаций и разновидностей слов, которые восходят к греческим, латинским, арабским и китайским наименованиям. Прототипы подобных вариантов восстанавливать нетрудно. В этом случае прототип выступает в качестве инварианта, а его новообразования – в качестве его звуковых, семантических и других вариантов. Варианты и их инвариант связаны между собой близостью или сходством фонетического облика и семантической основы.

Например, следующие слова являются фонетическими вариантами общетюркского слова со значением «рукавицы, перчатки, вид рукавицы, которую носит на руке охотник»: алт., хакас., шор., телеут., койб. *мелей*, кирг. *мээлей*, татар. диал. *мйәли*, *бәйли, били,* татар. лит. и башкир. *бийәлэй*, узб. диал. б*ийәлай*, чагат. *бәхлә*, уйг. диал. *пээли*, уйг. лит. *пәләй*, вост.-тюрк. *бәхли* и т.д. Эти примеры сопоставимы со старомонг.-письм. *бегелей*, халх.-монг. *бээлий,* калм. *бээлә*, бурят. *бээлэй* и др. Все приводимые варианты обладают общим значением и фонетическим обликом. Их можно возвести к прототипу *белей/мелей*. В данном случае не важно происхождение этого слова, важно его варьирование.

Все это говорит о возможности и перспективности применения принципа инвариантности к сравнительно-историческому исследованию родственных языков и адекватному установлению происхождения аффиксальных и корневых морфем, слов, фразеологизмов и паремий.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
2. Маслов Ю.С. Грамматика болгарского языка. – М., 1981.
2. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. – М., 2000.
3. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. 2-е изд. – М., 1978. -341 с.
5. Этимологический словарь тюркских языков. – М., 2003. – с. 46-47.